

Глаза Ци Хао то вспыхивали, то гасли, пока, наконец, не потухли, вернувшись к обычному состоянию. Придя в себя, он тут же упал на колени и начал кланяться старому монаху:

— Умоляю, помогите мне, если вы поможете мне отомстить, я отдам вам это!

Он согнул палец и воткнул его в правый глаз, выковырив нечто, похожее на стеклянный шар, светящийся красным светом, и протянул его на ладони.

Почти в тот же момент, как он вынул его, лицо Чунмина побледнело, и он рухнул на пол, потеряв сознание.

Чунмин снова увидел сон.

Ему приснился густой, изумрудно-зеленый лес, или, скорее, лесная чаща. Река протекала сквозь нее, берега были покрыты густой зеленью, а ветви деревьев склонялись к воде, отражаясь в ней. Временами солнечные лучи пробивались сквозь листву, освещая пылинки в воздухе.

Этот пейзаж был настолько прекрасен, что он замер от восхищения.

Он слышал звук журчащей воды, чистая река падала с покрытых мхом камней, образуя трехметровый водопад. Капли воды ударяли о камни, создавая мелодичный звук.

Внезапно водопад раздвинулся посередине, словно из телевизора вылезал призрак, и появилось лицо с растрепанными волосами. Кровь струилась с ее головы, и один кроваво-красный глаз устремился прямо на Чунмина.

— Я ненавижу! Я ненавижу!!

Крик раздался в его сне, пронзительный и ужасный, наполненный бесконечной ненавистью.

Кровь продолжала литься, чистая вода окрашивалась в красный, а окружающие деревья становились серыми.

Страх, боль, отчаяние, ненависть...

Все это обрушилось на Чунмина, он не выдержал, закричал и проснулся.

— Чунмин!

Несколько фигур склонились над ним. Он тяжело дышал, пот и слезы смешивались на его лице, капли пота попали в глаза, и слезы хлынули еще сильнее, затуманивая зрение.

— Учитель... старший брат... — слабо прошептал Чунмин, чувствуя себя ужасно.

Хотя на этот раз его не тошнило, боль была гораздо сильнее, каждая кость в его теле болела, словно ее пронзали иглами. Боль была настолько сильной, что он почти корчился, сжавшись в комок.

Старый монах впервые изменился в лице, быстро подтолкнув Вэй Шуфана вперед:

— Быстрее, возьми его за руку!

Вэй Шуфан, уже имея опыт, еще до напоминания снял перчатки и обеими руками схватил

Чунмина за руки.

Чунмин корчился от боли, но самое страшное было не это, а те негативные эмоции, которые словно руки из-под земли пытались утащить его в бездну ада.

Когда старший брат протянул руку, он схватился за нее, как за спасительную соломинку, но, к его удивлению, на этот раз боль не утихла сразу, словно закрытый шлюз, негативные эмоции медленно просачивались сквозь щели, и не было ясно, когда они полностью исчезнут.

— Старший брат... — Чунмин был настолько слаб, что его голос едва слышался.

Вэй Шуфан, держа его руки, опустился на колени у кровати, глядя на искаженное от боли лицо юноши, его бледное, как бумага, лицо. Он вспомнил себя в прошлом, когда тоже страдал и мучился, и в его сердце зародилось сострадание, смягчившее его выражение. Он одной рукой обнял Чунмина:

— Старший брат здесь, не бойся.

Цзин Хай не в первый раз видел, как Чунмин «болеет». В прошлые разы, как только хозяин брал его за руку, он сразу приходил в норму, но на этот раз он долго не успокаивался, и Цзин Хай с тревогой спросил:

— Мастер, что происходит?

Старый монах вздохнул:

— У свирепого призрака, который послал этот сон, слишком сильная обида. — Он произнес «Амитофо», с серьезным выражением лица. — Прикосновения кожи уже не могут сразу облегчить его состояние. Чтобы быстро избавиться от этой обиды, есть только один способ.

— Какой?

Цзин Хай и Хуа Мао хором спросили.

Вэй Шуфан обернулся к нему.

Старый монах с таинственным видом сказал:

— На самом деле способ прост — искусственное дыхание. — Не обращая внимания на странные взгляды, он сохранял серьезное выражение. — Будь то жизненная энергия или духовная, самый прямой способ — через рот. Конечно, есть и более эффективный метод. — Он замолчал, не продолжая, но его взгляд был настолько многозначительным, что невольно наводил на мысли, хотя при ближайшем рассмотрении он выглядел как почтенный и мудрый человек.

Цзин Хай и Хуа Мао почувствовали стыд за свои греховные мысли.

Вэй Шуфан поднял Чунмина, приподнял его подбородок и, сделав паузу, поцеловал.

Цзин Хай и Хуа Мао тактично отвели глаза.

Хуа Мао задумался:

— Почему, когда старший брат Вэй касается маленького мастера, тот сразу приходит в норму? Это связано с тем, что только маленький мастер может касаться старшего брата? Они

помогают друг другу? Дополняют друг друга? Ладно, смысл примерно такой.

Старый монах улыбнулся:

— Это тайна, которую пока нельзя раскрывать.

Хуа Мао пожал плечами, не стал больше спрашивать.

Боль затуманила сознание Чунмина, он только инстинктивно держался за руку Вэй Шуфана. В хаосе он почувствовал поток прохладной энергии, входящей в его рот, словно первый глоток льда в жаркий день. Ощущение прохлады пробежало от кончика языка до копчика, и каждая пора на его теле раскрылась.

Одного глотка было недостаточно, ему хотелось больше.

Ему нужно было больше.

Так думая, он жадно впитывал, используя все, что мог — зубы, язык, чтобы насладиться этим.

Он лизал этот мягкий лед, превращая его в воду, и жадно глотал.

«Почему он не уменьшается?»

В его сознании мелькнул вопрос. Он подумал, что, возможно, недостаточно старается, и начал лизать еще сильнее. Он хотел укусить, но сила сжала его челюсть, не давая сомкнуть зубы.

Прошла минута, две, на пятой минуте Цзин Хай и Хуа Мао, не выдержав звуков, обернулись и увидели молодого человека в костюме, целующего полуобнаженного юношу. С их стороны это выглядело как развратное действие, но из-за их красивых лиц это казалось красивой сценой, словно они разыгрывали какую-то эпическую историю любви.

Увидев на лицах друг друга явное смущение, они молча вышли, но, обернувшись, заметили, что старый монах уже сидел на диване в другой комнате, играя в игру с наушниками.

Мастер действительно мастер.

В это время Чунмин наконец пришел в себя, открыл глаза и увидел лицо старшего брата так близко, а затем заметил, что их губы все еще соприкасаются. Его глаза расширились, мозг отключился.

«Он... он... старший брат... они...»

«Поцеловались!!»

«О, Будды Запада, кто может объяснить, что произошло?!»

Вэй Шуфан, увидев, что он очнулся, отстранился, и при расставании губ раздался звук «чмок». Чунмин покраснел до ушей.

Он хотел заговорить, но сначала сглотнул слюну, издав тихий звук, и его лицо стало пунцовым.

Вэй Шуфан, словно не замечая его смущения, лизнул губы и аккуратно вытер их салфеткой, не отводя темных глаз от Чунмина:

— Тебе еще плохо?

— Э?

Мозг Чунмина наконец заработал, он вспомнил, как упал, сон и мучительную боль при пробуждении, краска сошла с его лица, и он содрогнулся.

— Нет, не плохо, — он почувствовал, что пронзающая боль исчезла, негативные эмоции тоже ушли, осталась только слабость, словно после тяжелой болезни. Его рука, которую он попытался поднять, сразу упала.

Значит, старший брат лечил его? Как раньше, когда брал его за руку? Но зачем... зачем... целоваться?

— Ста-ста-старший брат...

— М? — Вэй Шуфан поднял бровь, он достал салфетку и не спеша вытер пальцы.

Хотя на них была только вода, его действия почему-то заставили Чунмина покраснеть, он тихо спросил:

— Где учитель? Почему я упал?

Вэй Шуфан внешне оставался спокойным, но в голове уже разыгрывал целые сценарии, от «Так вот что такое поцелуй, младший брат такой страстный» до «Может, младший брат любит меня?». Все эти мысли были только в его голове.

Его взгляд упал на алые губы Чунмина. Если младший брат действительно любит его, что он должен делать? Отвечать? Нет, младший брат просто смутился, это его первый поцелуй, с кем бы он ни был, он бы так же смутился. При этой мысли в его сердце промелькнуло недовольство.

Автор имеет что сказать: Обновление! Эта глава получилась довольно объемной.

<http://bllate.org/book/16737/1539967>